

ФИЛОСОФСКИЙ ДИКУССИОН

Модусы социокультурного развития

Круглый стол «От психолингвистической к комплексной гуманитарной экспертизе»

МГУ имени М.В. Ломоносова, 25 мая 2016 г.

Экспертиза давно уже прочно вошла в социальную практику современного общества. Выработка решений органов законодательной и исполнительной власти, судебных, управленческих решений нередко предполагает проведение необходимых экспертиз, на которые опираются принимающие решение инстанции. Благодаря СМИ появились когорты медийных экспертов, делящихся своим мнением с общественностью.

В практике принятия решений возможны конфликты экспертиз, в которых возникают вызовы репутации экспертов. Сплошь и рядом за такими конфликтами стоят конфликты интересов конкретных социальных сил и акторов.

Всегда ли такие мнения специалистов можно рассматривать как экспертные? Что делает мнение специалиста экспертным? Кто такой эксперт – это профессия, статус или функция? Чем определяется методология экспертизы – конкретными вопросами, ставящимися перед экспертом, существующим уровнем соответствующей научной дисциплины, уровнем подготовки, опытом эксперта? Каков статус экспертизы, требующей междисциплинарного рассмотрения и оценки феноменов социальной жизни, прогнозирования последствий принимаемых решений? Каков характер и степень ответственности экспертов за качество экспертизы?

Обсуждение этих и других актуальных вопросов экспертных практик, особенностей методологии экспертизы редакция предлагает начать с публикации материалов Круглого стола «От психолингвистической к комплексной гуманитарной экспертизе», который был организован на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках Международного конгресса «Деятельный ум: от гуманитарной методологии к гуманитарным практикам» и посвящен 80-летию со дня рождения Алексея Алексеевича Леонтьева. Организаторами конгресса выступили:

- Институт языкознания Российской академии наук
- Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
- Российское психологическое общество
- Российская академия образования
- Федеральный институт развития образования

- Российский университет дружбы народов
- Институт экзистенциальной психологии и жизнестворчества.

В ближайших номерах журнала мы обязательно продолжим обсуждение этой актуальной темы.

ОТ РЕДАКЦИИ

ЭКСПЕРТИЗА КАК ГУМАНИТАРНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

Д.А. ЛЕОНТЬЕВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Экспертизы выполняют важную роль в социальной жизни современного общества. Эта роль настолько расширилась, что требуются уточнения их методологии, определения статуса эксперта, требований к его компетентности. Особое внимание заслуживает проблема комплексных экспертиз. Данная публикация представляет материалы обсуждения этих вопросов на специальном круглом столе, в работе которого приняли участие психологи.

Ключевые слова: компетентность, комплексная гуманитарная экспертиза, метаэкспертиза, методология, репутация экспертного сообщества.

Леонтьев Дмитрий Алексеевич – доктор психологических наук, заведующий Международной лабораторией позитивной психологии личности и мотивации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», профессор кафедры психологии личности факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия.

dmleont@gmail.com

Тульчинский Григорий Львович – доктор философских наук, Заслуженный деятель науки России, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург, Санкт-Петербург, Россия.

gtul@mail.ru

Цитирование: ЛЕОНТЬЕВ Д.А., ТУЛЬЧИНСКИЙ Г.Л. (2018) Экспертиза как гуманитарная методология и практика. Круглый стол «От психодиагностической к комплексной гуманитарной экспертизе» // Философские науки. 2018. № 2. С. 120–140. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-2-120-140.

Доктор филологических и доктор психологических наук А.А. Леонтьев (1936–2004), последним местом работы которого стал факультет психологии МГУ, был гуманитарием широчайшего профиля, о нем

говорили как об одном из последних энциклопедистов. Он оставил большой след в общем языкознании, психолингвистике и теории коммуникации, методике преподавания языков, этнологии, общей, социальной и педагогической психологии, общей педагогике и философии образования. Один из ведущих в стране и мире специалистов по вопросам речевого общения и речевого воздействия, он не раз участвовал в лингвистических и психолингвистических экспертизах, в том числе по знаковым судебным делам, внес существенный вклад в разработку методологических основ соответствующих экспертных практик (см.: Скрытое эмоциональное содержание текстов СМИ и методы его объективной диагностики / под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004).

Не удивительно, что на конгрессе, посвященном его многогранной деятельности, был проведен специальный круглый стол, посвященный методическим, правовым и социальным вопросам экспертной деятельности в современных условиях. В частности, обсуждались вопросы специфики экспертной деятельности, статуса эксперта, правового регулирования экспертиз, расширения контекста экспертного знания, в частности, перехода от лингвистической к психолингвистической и, далее, к комплексной гуманитарной экспертизе. Ведущими Круглого стола были известные специалисты в этой области: **Сергей Николаевич Ениколопов**, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры психологии личности факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий отделом медицинской психологии Научного Центра Психического Здоровья и **Дмитрий Алексеевич Леонтьев**, доктор психологических наук, заведующий Международной лабораторией позитивной психологии личности и мотивации НИУ «Высшая школа экономики», профессор кафедры психологии личности факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

Открывая Круглый стол, **Д.А. Леонтьев** отметил, что тематика гуманитарных экспертиз связана с широким актуальным социальным и институциональным контекстом. А.А. Леонтьев первоначально на протяжении ряда лет занимался экспертизой интуитивно, потом пытался осмыслить этот опыт, формулируя *post factum* понимание, как надо делать лингвистическую, психолингвистическую экспертизу.

Со временем эта тема начала становиться все более социально значимой. Само слово экспертиза вошло в достаточно широкий обиход, а содержание, которое за ним стоит, далеко не всегда уточняется. Именно в этом заключается главная проблема в областях, связанных с экспертизой, от лингвистической, психолингвистической до комплексной гуманитарной: слово широко освоено, а его понимание весьма различно и не отрефлексировано.

Чем экспертиза отличается от других гуманитарных практик? Вообще экспертиза определяется через лакуну в знании, когда не хватает каких-то знаний для объяснения явления, его причин. Если речь идет о воспроизводстве старых паттернов опыта, воспроизводстве известных

практик, то мы можем точно сказать о таких причинах. Но если речь идет о каких-то новых или полностью не сводимых к традиционным формам практики, то мы не можем основываться на достоверном знании.

В такой ситуации возникает альтернатива выбора одного из двух способов совладания с неопределенностью: либо вера, либо экспертиза. Общее у них то, что они оба не дают никаких гарантий. А различия между ними связаны именно с критериями той практики, к которой правильно было бы применять слово «экспертиза»: как оценить ситуацию так, чтобы была сконструирована адекватная связь причины со следствием, а вероятность достоверности была выше случайной?

За словом «экспертиза» стоит множество разных реальностей. Одно различие – это когда мы говорим об экспертизе того, что уже произошло, или того, что должно произойти в будущем, или также – об экспертизе каких-то фактических обстоятельств, об экспертизе сущего или возможного.

Второе различие – когда мы говорим об экспертизе предметной или экспертизе комплексной. Большая разница заключается, прежде всего, в том, что касается институциональных проблем. Например, в кодексе упомянут такой критерий эксперта, как углубленные знания в той или иной предметной области. Это случай монодисциплинарных видов экспертизы, когда можно дать точный, достоверный ответ на основе углубленных знаний. Примерами таких экспертиз являются баллистическая, генетическая, дактилоскопическая экспертизы – они основаны на жестких алгоритмах того, каким образом дается этот ответ. И хотя даже в точных методах всегда есть допуск на ошибку, естественно, здесь, тем не менее, есть алгоритм, позволяющий определить вероятность ошибки и точно, однозначно прийти к ответу на основании именно углубленных знаний в определенной области, которые можно получать с помощью профессионального обучения.

Но есть и другие виды экспертизы, в которых нельзя дать ответ на основе только углубленных знаний в одной области. Это вопросы, которые связывают между собой разные предметные области, и здесь требуется выстраивать неочевидные, не лежащие на поверхности системные связи. По сути дела, отсюда вытекает то определение, которое мы с коллегами давали гуманитарной экспертизе: такая экспертиза – это способ дать ответы на вопросы, на которые однозначно ответить нельзя (1). Но если нельзя дать однозначного ответа на вопрос, это еще не значит, что вообще ничего сказать нельзя. Как можно съест слона? Ответ – по частям. Как решаются нерешаемые проблемы? Они расчленяются на некоторый набор проблем, которые оказываются более решаемыми, позволяют дать какие-то определенные ответы.

Это то, что касается методологического анализа экспертизы как формы практики. Но очень часто в нашей социальной практике я встречаю, по крайней мере, в СМИ, Интернете, информацию о том, что прошла экспертиза тех или иных высказываний. Иногда авторы экспертизы – известные люди, иногда совершенно профессионально

неизвестные люди. Делается вывод, что эксперты пришли к тому или иному мнению, далее судебные органы приобщают к делу одни мнения, не приобщают другие. Поэтому существуют еще несколько принципиальных вопросов:

1) Один вопрос чисто социально-институциональный. Как, кто, кому и каким образом присваивает звание эксперта? Почему одни люди получают этот статус, соответствующие полномочия, и их мнение расценивается как мнение более ценное, чем мнение любых других людей.

2) Второй вопрос методологический – можно ли отличить экспертное мнение от неэкспертного, вынеся за скобки того, кто это мнение высказал. Есть ли какие-то признаки, по которым можно судить, что одно мнение – экспертное, а какое-то другое – просто сотрясение воздуха. М.К. Мамардашвили говорил, что высказывание, за которым стоит проделанная работа, имеет иной вес, чем высказывание, за которым не стоит никакой работы. И вопрос в том – можно ли отличить одно от другого, то есть высказывание, за которым стоит работа от того, за которым не стоит работа, не принимая во внимание регалии автора высказывания?

Я попытался решить эту проблему – разработал и применял на практике способ, который называю «метаэкспертиза». Это способ определения по некоторым признакам, по маркерам в тексте заключения, насколько соответствует некоторый текст, который называется «экспертное заключение», признакам, которые по идее, по замыслу и по уголовно-процессуальному кодексу должны отличать экспертное заключение. Независимо от того, кто это заключение написал. Вот такой способ определения «вслепую». И, в общем, уже не раз удавалось отличить действительно экспертное мнение от некоего мнения, взятого с потолка.

Но эти чисто методические проблемы тесно взаимосвязаны с проблемами социально-институциональными. Если в научном сообществе нет консенсуса по поводу того, что считать правильной, хорошей экспертизой, то это дает соответствующим социальным инстанциям говорить о том, что специалисты сами не могут подтвердить или оспорить ни одну экспертизу и статус ни одного эксперта. И даже не знают – как это сделать. Другое дело, если будет что-то похожее на консенсус в нашем экспертном сообществе, если будет разработана методология, какие-то методические инструменты, критерии, которым должна соответствовать полноценная экспертиза.

Напомню про методическое руководство по психолингвистической экспертизе, которое в свое время написал Алексей Алексеевич, которое было напечатано большим тиражом, раздавалось, рассылалось в соответствующие органы (2). Другой вопрос, в какой мере это руководство использовалось, насколько оно было удобно для использования в соответствующих органах, но, тем не менее, эта важная работа была проделана. И она может быть отправной точкой дальнейшего обсуждения и разработок. Представляется, что в данном обсуждении можно прийти к

каким-то пусть минимальным пунктам консенсуса, от которых можно было бы двинуться дальше к выработке единых позиций для экспертного сообщества. Пусть даже это сообщество нельзя еще до сих пор рассматривать сформировавшимся институционально.

С.Н. Ениколопов отметил, что и в обществе, и в профессиональном сообществе происходит путаница двух понятий, присутствующих в экспертных практиках. Это понятия эксперта и специалиста. Последнее – более широкое понятие. Например, существует специалист в некой области, и к нему можно обратиться и выяснить что-то, что нужно, к примеру, для следствия. Например, следователя что-то интересует, чего он не знает в психологии, и он спрашивает у психолога: а правда, что дети такие? Но следователь может закрепить некое знание и назначить экспертизу. Тогда это уже не мнение специалиста, а факт, доказательство, существующее в деле. На него опирается суд, так же, как на какие-то другие свидетельские показания.

Из этого вытекают два положения: одно из них тривиально – специалистом может быть любой специалист. Конечно, желательно обращаться за советом к хорошему специалисту, но не к плохому. Однако специалист может спокойно чувствовать себя сторонником, таким болельщиком какой-то концепции. А эксперт уже не может быть болельщиком какого-то подхода, концепции. На кафедре, в СМИ – может, а в качестве эксперта он должен стараться занять внутренне нейтральную позицию. Он должен понимать, что ему может что-то не нравиться, но это так – по науке. И выработка такой позиции – часть подготовки настоящего эксперта.

С этим связано второе: вообще говоря, экспертиз должно быть много, и в суде могут столкнуться два эксперта, которые имеют полное право на свои обоснованные позиции. Это уже издержки нашего института судопроизводства. В реальности может быть приглашен эксперт со стороны защиты и эксперт со стороны обвинения, оба из одной профессии. Каждый должен убедить судью или присяжных, что его доводы – лучше и надежнее. Отсюда очень важная вещь, которой как раз занимался Алексей Алексеевич. До какого-то момента в нашей предметной области нет никаких данных, которые могли бы говорить о каких-то нарушениях, о тех вопросах, которые интересуют заказчика. Я привожу примеры из судебной практики, потому что там это наиболее отработано, хотя у меня есть опыт экспертиз для Госплана СССР и в других областях. Но в судебной практике это наиболее отработано – заказчик, исполнитель и пр. За большей частью этих экспертиз стоит собственная научная разработка. В своей крайней форме очень это заметно в психиатрии – существует просто психиатрия, судебная психиатрия и существует судебно-психиатрическая экспертиза.

Наш общий с Дмитрием Алексеевичем друг Ф.С. Сафуанов настаивает, что должна быть некая судебная психология. На мой взгляд, для судебно-психиатрической экспертизы основная опора, в той области, которой мы занимаемся, – это криминальная психология. То есть если мы знаем криминальное или виктимное поведение человека, то

в принципе такой психолог может выступать в качестве эксперта по уголовным делам. Но должна быть какая-то научная область, на которую можно опираться, апеллировать к ней, а не просто говорить: «Это говорил великий Пиаже». В этом плане А.А. Леонтьев – яркий пример. Ведь первая его работа на интересующую нас тему была не экспертная. Это была совместная работа А.А. Леонтьева, В.И. Батова, А.М. Шахнаровича о речи в криминалистике. Она была не про экспертизу, а про то, что лингвистические, психолингвистические знания могут способствовать ответам на разные юридически значимые вопросы. Они не случайно начали с криминалистики, а не с какой-то экспертной практики. И в дальнейшем это выросло уже в методическое руководство. Прежде всего – для следователя, который, прочитав его, знает, какие вопросы он может задать эксперту.

И вот тут-то выясняется, что вопросы он знает, какие задавать – а кому? Есть ли эти психолингвисты, которым можно задать вопрос? Сейчас лингвисты рванулись на этот рынок, они замечательно выполняют заказы Роспотребнадзора, прочих организаций. Но при этом они чаще всего используют частотный словарь, по упоминанию. Недавно я беседовал с одним человеком по поводу терроризма, и у него телефон посреди разговора выключился на час. Он поинтересовался, почему вырубили, – так потому и вырубили. У меня слово «терроризм» в частотном словаре фигурирует часто, поэтому мне не выключали, а ему выключили. Он был из другой сферы и задал вопрос, а я ему рассказывал о том, чем занимаюсь. Это автоматизированная вещь, и, если позвать людей, которые такими вещами занимаются, то они объяснят, на основании чего отключили телефон. А если задать этим специалистам вопрос: а вообще говоря, речь телефонных собеседников – она имеет отношение к терроризму, задумкам о взрывах и прочему, то выяснится, что они этого объяснить не могут. Хотя по задаче лингвистической экспертизы как раз и необходимо выяснить – собирались ли мы или не собирались совершать террористический акт.

Д. Леонтьев: Слово «терроризм» явно не из лексикона террористов.

С. Ениколопов: Ну почему, они могут делиться своими впечатлениями о статье, которую недавно в газете опубликовали о них. Может, им тоже хочется сказать: ты читал обо мне в прессе?

Возникает ряд важных вопросов: готово ли профессиональное сообщество, в данном случае – психологическое или лингвистическое, проводить исследования в этой сфере, чтобы потом становиться экспертами. И второе – это вопрос не только определения метода анализа, кто может быть экспертом, можно ли доверять этим экспертам, но и вопрос подготовки самих экспертов. Потому что, повторюсь, у меня возникает жуткое ощущение деградации при чтении некоторых современных экспертных заключений. Просто недавно мне пришлось перечитывать старые экспертизы М.М. Коченова, О.Д. Ситковской и др. Но за эти экспертизы – не стыдно. А когда я читаю современные экспертизы, возникает вопрос,

кто вообще давал этим людям не то что статус эксперта, а просто диплом специалиста-психолога.

Как-то я выступал на суде в качестве специалиста, оценивая экспертизу одного очень титулованного человека, и попросил судью зачитать подпись этого эксперта, его регалии. Когда судья дошел до «Академика Сан-Марино», он сам начал хохотать. У человека разнообразных регалий было на страницу. Легислатура Императора России, по-моему, была меньше. Это человек, который пришел просто со стороны, но твердо уверен, что он может проводить психологическую экспертизу на предмет агрессивности поз, действий и так далее.

Когда я учился, у нас было четыре курса по психологической экспертизе: экспертиза судебно-психологическая, комплексная психолого-психиатрическая (а это другое, если говорить о сложностях), трудовая и военная. Это четыре сферы, которые были востребованы. Постепенно они умерли все, потом на клинической кафедре удалось возродить судебно-психологическую экспертизу, но трех других уже нет. После чего на арену выходит большое количество специалистов-психологов. Причем теперь бакалавр может проводить экспертизу так же, как магистр, он имеет на это полное право, не слушая никаких специальных курсов.

Д. Леонтьев: А иногда даже лучше, когда экспертизу делают бакалавры, а не доктора наук, во всяком случае, соответствующие органы будут более критично относиться к их экспертизам.

ДИСКУССИЯ

М. Немцев (научный руководитель сайта «Гефтер.ру»): Я не психолог. Поэтому меня интересует – и профессионально, и по-человечески – не столько конкретно психологическая или судебная экспертиза, сколько вообще экспертиза. Граница между экспертизами военной, судебной, психологической и т.д. довольно зыбкая. Во всем мире сейчас востребована фигура «эксперта», – человека, способного быстро и компетентно ответить на некий вопрос. Если это происходит в суде, то уже задан формат такой работы: эксперты задают определенные вопросы, составленные по упоминавшимся специальным методичкам. Но если этот же судебный случай привлекает к себе внимание публики, то возникает ситуация, когда журналисты обращаются к кому-то за комментарием. И тогда «экспертом» оказывается тот, кто способен дать внятный комментарий. В последнее время, в связи с общим упадком образования и институтов знания, в России сформировалась странная ситуация, когда экспертом действительно может быть кто угодно. Потому что, действительно, сложно объяснить людям не из академической среды, почему же собственно, академик Сан-Марино – не академик. У него есть диплом и он может сказать: есть Российская академия наук, а есть академия Сан-Марино. А вы что, не уважаете суверенитет государства Сан-Марино? Там тоже есть своя маленькая академия. И оказывается, что табличку со словом «эксперт» перед собой ставят очень разные люди, уровень квалификации которых действительно оценить очень сложно.

Д. Леонтьев: А в каких-то случаях понятие «эксперт» используется без оглядки на планку квалификации, просто у человека спрашивается его мнение и все, а он дает некий комментарий.

М. Немцев: Часто в работе СМИ мы оказываемся в ситуации, когда даже некого спросить. Что-то произошло, или внезапно о некой проблеме заговорили – а обращаться к кому? К тому, кто вроде бы может дать интервью или минимально содержательно высказаться. Поэтому в СМИ фигура эксперта появляется иногда абсолютно случайно. Скажем, мне нужен комментарий, я звоню кому-нибудь, и говорю: ты можешь прокомментировать? Он говорит, я не могу, но могу посоветовать: есть такой Дмитрий Алексеевич Леонтьев, он чем-то таким вроде занимался. У него книжное издательство, и, если, скажем, нужно выяснить что-то про книжный рынок, он прокомментирует. И вечером я звоню, и, поскольку мы с Дмитрием Алексеевичем знакомы, он может быть мне не откажет в комментарии. В этот момент я могу его объявить экспертом по научному книгоизданию в России. Такие ситуации происходят постоянно, они неизбежны, потому что оборот знаний очень быстрый. Ситуации судебной экспертизы в этом смысле несколько дистиллированы, потому что у эксперта есть время поработать над вопросом, а у судьи вроде бы должно быть время ознакомиться с экспертным решением.

С. Ениколопов: Я потому и приводил «дистиллированные» примеры, потому что, если там есть ошибки, то какие же должны быть примеры «недистиллированные»?

Д. Леонтьев: Как говорили классики, анатомия человека есть ключ к анатомии обезьяны.

М. Немцев: Нередки ситуации, когда судья позволяет себе сказать – этой экспертизы вполне достаточно, и другую экспертизу отодвинуть. И это уже симптом деградации института – проблема, которую не может решать сам эксперт, она системна. Но экспертами, действительно, очень часто становятся люди, которые просто способны внятно и связанно рассуждать о чем-либо. Под связностью я понимаю важное качество публичной коммуникации – умение эффективно начать и закончить комментарий. В большинстве случаев люди, работающие в СМИ, не могут отличить человека компетентного от человека профессионально некомпетентного, но говорливого. Так в медиа «возникают» люди не самые компетентные, но именно те, кто готов наиболее активно отвечать на любые задаваемые вопросы. Психологи – еще не самое пострадавшее профессиональное сообщество, в отличие, например, от историков. Очень часто люди, представляющиеся историками, не подозревают, что такое история как наука.

Мне кажется, «очистка» медийного поля от случайных псевдо-экспертов будет возможна только в том случае, когда экспертная деятельность становится в большей или меньшей мере лицензируемой. Но в публичном пространстве единственная лицензия, которая может быть востребована – это репутация. Сами профессиональные сообщества возникают именно в процессе самоочищения от имитаторов и

от тех, кто готов имитировать экспертную деятельность, не являясь специалистом, человеком ответственно способным участвовать в решении каких-то проблем – что называется, отвечать за свои слова. В этом смысле главная проблема экспертизы – не в самой экспертизе, а в профессиональных сообществах. Вопрос в том, готовы ли люди, отождествляющие себя с какой-то профессиональной дисциплиной, отказываться от связей, от совместной профессиональной деятельности с теми, кто нарушил правила объективности и доказательности, выступив в качестве эксперта, таковым не являясь.

На самом деле, это сложная проблема, потому что понятно – все же друзья или коллеги. Если кто-то оказался «не на высоте» профессионального положения, это же не повод отказываться от дружеских отношений и возможности совместно работать в каких-то проектах. И из-за того, что все оказываются сцеплены внутри, человек, который однажды получил возможность говорить как эксперт, продолжает это делать, не сталкиваясь ни с каким явным осуждением, порицанием и так далее со стороны коллег. При этом люди, не включенные в профессиональную среду, действительно оказываются лишены возможности отличать экспертов от лже-экспертов, от самозванцев. Потому что все же видят: признанный, уважаемый человек и самозванец сидят за одним столом, и этот второй говорит – вот, дескать, мы вместе, мы закончили один факультет, вместе работаем. И пока уважаемые, заслуженные люди не готовы каким-то образом единым фронтом противостоять имитаторам и тем, кто готов любым образом отвечать на любые вопросы просто потому, что есть заказ, ситуация мне представляется не то, чтобы безнадёжной, но какой-то беспросветной.

Сейчас в России очень странная ситуация избытка экспертных позиций при недостатке экспертного знания. Такая ситуация уникальна для развитых стран: обычно экспертов не хватает. У нас наоборот – легко находятся люди, себя называющие экспертами, но при этом очень трудно найти человека, готового дать действительно доказательный, профессиональный комментарий, тем более произвести для этого короткое исследование. Вопрос в том, насколько готовы психологи России рвать связи, блокировать деятельность тех людей, которые, являясь «академиками Сан-Марино» и кандидатами или докторами наук и прочее, имитируют экспертную деятельность, но, тем не менее, не выдерживают проверки на профессиональную компетентность и адекватность?

Д. Леонтьев: Хотел бы отреагировать на это выступление, разделив то, что было сказано, на две части. Первая – то, о чем мы говорили с самого начала – проблема адекватности и компетентности экспертизы, отличия того, что является экспертизой, от того, что таковой не является. И в наших исторических условиях лицензирование не будет решением проблемы, потому что если ввести институт лицензирования экспертов, то сразу все, кому надо, эти лицензии получат, и будут махать уже этими бумажками, не дипломом академика Сан-Марино, а лицензией эксперта государственного образца.

Лицензирование и репутация – это разные вещи, скорее альтернативные. Путь решения этих вопросов, на мой взгляд, заключается в переносе центра тяжести с «что» на «как». Иногда я пользуюсь определением психолога, которое, в принципе, можно расширить и использовать как определение эксперта. Эксперт – это не человек, который знает ответы на вопросы, а который знает, как искать ответы на вопросы. И здесь ключевой момент – именно «как», за этим стоит методология. Если человек может ответить на вопрос, но не может ответить, как он пришел к такому ответу, на основании чего этот вывод был сформулирован – вот тут и возникают проблемы.

Экспертизы, с которыми мне доводилось работать, в жанре «метаэкспертизы», в частности, как раз отличаются тем, что выводы, которые там делаются, не являются следствием какой-либо выполненной аналитической работы, а даются просто «как есть». Это и есть тот объективный критерий, который может быть положен в основу. Главное, что может сделать сообщество – это, не педалируя вопросы лицензирования, в максимальной степени прорабатывать и внедрять конкретные идеи методологии экспертного знания. Экспертиза – это практика, где к ответам приходят определенным формализованным, кодифицированным образом, пусть относительно, пусть не по готовому алгоритму как с дактилоскопией и так далее. Тем не менее есть такие гносеологические установки, которым должно следовать экспертное заключение, чтобы к нему можно было отнестись серьезно. Дело совсем не в том, что, и тем более кем это говорится, а в том, чтобы сама эта работа строилась по определенным критериям, которые должны быть выработаны и кодифицированы для этой работы.

Вторая проблема несколько выходит за рамки нашего обсуждения, это проблема более широкая, относящаяся не только к экспертному сообществу. Это проблема люстрации вообще и невозможности люстрации, касается того, что люди, себя дискредитировавшие, должны каким-то образом изолироваться, подвергаться ostracism. Но вопрос – кем они были уличены, когда и за что. И было бы замечательно, если бы все было так просто – делилось бы на черное и белое без градации серого. Но поскольку все существует в виде разных оттенков серого, сплошной континуум, то где проводить границы в этом континууме, отделяя «чистых» и «нечистых»?

Это проблема, сильно выходящая за рамки экспертного сообщества. Не говоря уже о том, что есть известная в психологии проблема личности и поступка – мы ставим оценку человеку или поступку? Равен ли человек поступку? Если человек может изменить свою позицию, если Савл может стать Павлом, то я не вижу сходу ее решение проблемы – особенно в наших широтах, где группа людей, которые претендуют на собственную моральную чистоту, окажется заведомо в таком меньшинстве, что со стороны ее санкции к большинству будут выглядеть нереальными. Насколько такая конфронтация приведет к каким-то позитивным результатам – вопрос большой, касающийся не только экспертного сообщества, но и страны в целом.

С. Седова (психолог-консультант). В выступлении Михаила Немцева поднималась тема узкой специализации. На Западе есть система узких специалистов, вплоть до того, что есть специалист по творчеству раннего периода того-то. И, если мы придем к такому же положению, у нас появится еще больше экспертов, которые будут так или иначе признаны. Но меня больше интересует тема междисциплинарной экспертизы, о которой сказал Дмитрий Алексеевич, и сейчас речь шла о методологии. Если специализированную экспертизу можно развивать через институты подготовки и профессиональные сообщества, то как быть с междисциплинарной экспертизой? То есть каким образом можно говорить о подготовке междисциплинарного эксперта? Будут ли это философы, если речь идет о специалистах в области методологии, о тех, кто будет знать, как что найти? Отдельная проблема интернет-экспертизы.

Профессиональное сообщество претерпевает трансформацию, превращается в некие интегративные среды. Медицина, химия, биохимия. Что мы подразумеваем, когда говорим о профессиональных сообществах сегодня? Говоря о междисциплинарной экспертизе, о методологическом обосновании такой экспертизы, мы говорим не только о том, как научить такого человека. Речь идет не только об образовании человека, который проводит экспертизу, но и о его эрудированности, компетентности в целом. И это второй вопрос, как мы будем оценивать компетентность междисциплинарного эксперта.

Д. Леонтьев: В свое время мы с Г.В. Иванченко сделали программу курса по комплексной гуманитарной экспертизе (3) и однажды попробовали провести такой семестровый курс на кафедре общей психологии для студентов-старшекурсников. Потом мы этот опыт не повторяли, потому что возникло ощущение, что студенты 5 курса не готовы к такой работе, у них нет степени соприкосновения с такой постановкой проблем, какая здесь необходима. У них нет тех вопросов, с которыми они сталкивались в реальности и могли бы обсуждать. Поэтому, думаю, что тематику комплексной гуманитарной экспертизы имеет смысл давать уже после студенческой скамьи, в системе повышения квалификации. Некое представление о том, как это делать, по крайней мере, в плане обучения, формирования экспертного сознания – это уже есть. Но, повторяю, со студентами этим заниматься рановато.

М. Немцев: В этом плане российская психология в очень хорошем положении, потому что она давно уже выделилась как наука, и сомнений в ее «научности» почти ни у кого не возникает. Но люди, которые дают ответы на вопросы, это часто представители социальных наук, истории или философии. Так исторически сложилось, что для очень многих людей гуманитарные знания – это ответ на вопрос, как на самом деле все должно быть по-хорошему. Так, психолог – тот, кто рассказывает, как жить «хорошо», как наладить свою жизнь, как выйти из зоны комфорта и прийти в хорошее место. На это есть исторические причины – так сложились и формировались общественные дисциплины в послевоенное время. И таков этос российских социальных ученых – научить всех, как жить хорошо. Часто морализация подменяет любую другую аргументацию.

Но эксперт – это тот, кто на каждом шаге может показать, как он пришел к данному выводу, обосновать. И в формате судебной экспертизы там четко прописано все это, там все очень прозрачно, – если она сделана по правилам. Поскольку эта прозрачность важна исключительно лишь для коллег и оппонентов самого эксперта, она во многом пропадает впустую. Чтобы акцент на методологии не пропадал впустую, должна быть какая-то минимальная методологическая культура пользователя. В Москве есть несколько экспертов по методологии, но, в общем-то, методология – это последнее, что кого-либо интересует, особенно, если речь заходит о «философии».

С. Ениколопов: Потому и возникает вопрос о междисциплинарной экспертизе, что никакого междисциплинарного специалиста нет и быть не может. Важно, чтобы эксперты объяснили вопрос с позиций конкретной науки: той, той и той. Как они это сделают – подерутся между собой или нет – это уже другая проблема, которая тоже должна отрабатываться. Пример: есть вопросы, которые задаются психологам и психиатрам одновременно. И тогда возникает вопрос, кто подписывает такую экспертизу, как вообще она делается? В одних случаях психолог участвует в обследовании, но все выводы делаются все-таки психиатром. В других – это два разных текста, и судья, и прокурор, и адвокаты могут апеллировать как к психологической части, так и к психиатрической. Они могут быть довольны психологической, но недовольны психиатрической, и наоборот.

Вопрос из зала: То есть судья – это междисциплинарный эксперт?

С. Ениколопов: Во всем мире мы все несем судье что-то, от потерпевшего до обвиняемого, а он оценивает. Мы все изображаем что-то перед судьей или присяжными, а оценивает судья. Является ли он междисциплинарным экспертом – не знаю, по крайней мере, должен стараться. Некий междисциплинарный специалист, который немного знает психологии, немного того или того – это сомнительная фигура, он может быть очень приятно эрудирован, но его репутация может быть очень сильно подмочена.

Получается, у нас два типа вопросов: технологические, как проводить экспертизу, кто ее проводит, и, более серьезные, социальные – что такое репутация, является ли крупный психолог экспертом, хотя бы в своей области. Как формировать в обществе отношение к репутации. Есть совершенно замечательные примеры. Недавно я был вынужден посмотреть общий список людей, имеющих индекс Хирша – с первого номера с самым высоким Хиршем и далее. До последнего я, конечно, не дошел. И если из первой сотни я знаю человек 40 (а я все-таки давно в психологии, поэтому, если не лично, то хотя бы по фамилиям знаю многих), то остальные 60 – остаются загадкой. Как они оказываются впереди всех? Ответ прост – это авторы региональных учебников, половину из этих учебников никто не знает в Москве и Питере. Научная репутация этих авторов – нулевая. Но на эти учебники ссылаются их ученики, дальше это идет по стране и так далее, но эффективность их научная – нулевая. Хирш этот – деланный.

Надо сказать, я в восторге от РИНЦа, потому что они публикуют три показателя: просто Хирш, самоцитирование, и еще по научным статьям. Когда у человека разрыв в один-два балла, то я понимаю, что он написал еще книгу какую-то, на нее тоже ссылаются. Когда Хирш у человека 40, а по статьям отдельно – 4, я понимаю, что он научных статей-то не пишет. Если бы это было в области истории, литературоведения, то да, я понимаю, там конечно книга есть источник знания. Но в психологии все-таки важны научные статьи. Я показал нашему зам.директора по науке, что есть такая возможность – определять, кто серьезный специалист, а кто – нет. Он был в полном восторге, восхищался и спрашивал, почему об этом не говорят. Такой подход может быть ключевым для определения научной репутации.

Когда «Психологическая газета» организовывала конкурс «Золотая Психея», они проводили опрос: кого из психологов вы считаете непредвзятым, экспертными и так далее? Я тогда попал в первые 50. Через пять лет это стало уже немного престижно, та же процедура была проведена – и список изменился. В нем появились деканы и директора. И так все время. Если первый список – это список репутационный, то второй и третий – это списки людей, стремящихся в лицензированную экспертную деятельность. Как можно быть экспертом в институте, где директор не является экспертом? И в этом самая большая сложность – в нашем обществе не готовы воспринимать, что в целом ряде наук есть репутационные вещи, где человек может быть никаким по статусу, но мы-то все знаем, что он специалист в какой-то конкретной области. Пример: в России есть один настоящий эксперт по педофилам. Когда началась волна сообщений в СМИ на эту тему, я каких только мнений не читал – кроме его мнения. Потому что он человек не публичный и не лезет в медиа.

Д. Леонтьев: До того как был упомянут индекс Хирша, речь шла вообще о том, что такое эксперт, у меня возникла идея: нельзя говорить о том, что некто есть «эксперт». Человек не может быть экспертом вне выполнения экспертной задачи. Он становится экспертом, когда проделает экспертную работу в соответствии с определенными критериями. Но пока он еще эту работу не проделал, он является потенциальным экспертом. Поэтому выдавать ему бумажку, что он является экспертом вне этой работы – было бы методологически неверно.

Участник не представился. Мне кажется, в экспертизе есть еще одна проблема: когда есть эксперт с явно отрицательной репутацией, но он удобен для конкретного судебного дела, его экспертиза является приоритетной при вынесении судебных решений. Как бороться с такими ситуациями?

Д. Леонтьев: Только с помощью пропаганды методологии, работы методологии, и анализа этих так называемых экспертиз с точки зрения экспертной методологии.

С. Ениколопов: Не берусь говорить конкретно насчет методологии, но знаю правила, как нужно писать экспертизу. Там должна быть исследовательская часть, экспериментальная часть. Но если я вижу, что в экспериментальной части методики взяты у неизвестного автора

или известны с негативной точки зрения, то зачем мне вообще дальше читать эту экспертизу? Следующий вопрос уже для сообщества – публично обсуждать вообще имеет ли психолог право пользоваться методиками, взятыми из Интернета, без ссылки на то, как он это делает?

Д. Леонтьев: А что тут обсуждать, не вижу в этом случае даже предмета для обсуждения.

С. Ениколопов: А я вижу. На днях получил один материал – некий молодой человек, очень, видимо, одаренный и писучий, опубликовавший штук 30–40 статей в разных изданиях в последние три года. Просмотрев эти его работы, я обнаружил, что он всюду использует методики, которыми уже лет 20 никто не пользуется. Поэтому надо писать и говорить о таких вещах, чтобы члены редколлегий научных журналов, когда видят эти методики, со ссылками на позавчерашний день, сразу заворачивали статью, не обсуждая, написана она хорошо или плохо.

А заказные экспертизы были, есть и будут. С ними борются другими способами – не реформирования, а исправления институтов. До тех пор, пока не будет борьбы экспертов, пока защита не будет уравнена со стороной обвинения, пока институт Сербского поставлен в такое положение, что любая ординаторша из этого института кроет любого провинциального профессора как козырная шестерка туза. Я видел такие экспертизы, когда замечательные, известные профессора подписывают экспертизу, а какая-то никому не известная фигура, которая готовит экспертизу, не зная ни психологию, ни психиатрию, совершенно спокойно отбрасывает замечания очень хорошего специалиста. Пока же мы должны сделать все, чтобы все стороны были уравнены в правовом поле. Пока это не будет сделано, будут заказные экспертизы.

Д. Леонтьев: Мы не имеем в виду, что эксперт должен обязательно быть хорошим человеком. Пусть будет хоть мерзавцем, но работать должен профессионально адекватно и грамотно.

С. Ениколопов: Как известно, Сикорский был обаятельным, умным и образованным. А потом была его экспертиза по делу Бейлиса.

М. Сандомирский (Институт групповой и семейной психотерапии): Эксперты в нашем обществе пока очень далеки «от народа». Было бы полезно предпринять шаги по популяризации экспертизы, будь это экспертиза научная, отраслевая. И показать рейтинги психологов, претендующих и выступающих в качестве экспертов. Вот у медиков есть профессиональные социальные сети, где специалисты обсуждают не только сугубо научные проблемы, но и этические аспекты работы коллег. Психологи пока не вышли на такого рода публичный уровень. Для этого, наверное, нужна инициатива, самоорганизация, волонтерство, привлечение студентов.

Думаю, что еще очень важно отделить прикладную экспертизу от медиа-экспертизы, о которой вы говорили. Она связана с совершенно особой ролью, которую медиа играют в обществе. Поскольку я давно имею опыт общения с ними, то вижу, что медиа по большому счету не заинтере-

ресованы в объективной экспертизе. Медиа-эксперт – это просто человек, который рассказывает сказки для взрослых. Медиа выбирают даже не тех, кто более правдоподобен, а просто тех, кто более увлекателен. Огромное количество мифов, связанных с психологией отношений, воспитания, создается благодаря этой псевдоэкспертизе. Серьезные эксперты отбраковываются, потому что они говорят скучные вещи. Для повышения тиража надо рассказывать сказки, никак иначе. Вопрос адекватности экспертов – это ведь еще и вопрос адекватности и просвещенности общества, может быть – психологической культуры. И тут многое может сделать профессиональное сообщество, например, оно может самоорганизоваться.

С. Ениколопов: Со всем согласен.

М. Немцев: Нужно еще уточнить, что есть сказки адекватные и не адекватные. Очень плохо, когда они неадекватны науке и здравому смыслу.

Участник не представился: Недавно большой общественный резонанс вызвала серия публикаций о том, что в сети существуют группы, которые склоняют подростков к суициду. И поэтому родители не спят по ночам, пытаются застукать своих детей, а вдруг они ровно в 4:20 утра заходят в сеть Вконтакте. В этих публикациях активно ссылались на мнения экспертов.

С. Ениколопов: Привлекают внимание и пользуются успехом только алармические экспертизы. Никто не запоминает нормальную экспертизу, когда человек говорит: «Завтра, по-видимому, будет дождь». И дождь идет. Кого это интересует. Вот если человек говорит, что будет ураган, и попадает в точку, и все прячутся – то потом он получает известность, все о нем говорят. Поэтому в современном медиа-сообществе пользуются популярностью только алармисты. Никому не интересны те, кто говорит: вот только паниковать не надо.

М. Немцев: Есть разные сегменты медиа.

С. Ениколопов: Вот только не надо защищать сегменты медиа. У нас с психологическими сегментами непонятно, что делать.

М. Немцев: Ведь как бывает? Понимаете, появляется повод, и не сказать, что он совсем из пальца высосан. Для того, чтобы грамотно студентам ответить на вопрос, я к кому должен обратиться?

С. Ениколопов: К экспертам.

М. Немцев: А как мне о них узнать? Я провожу быстрый поиск в Интернете, и нахожу там, допустим, какого-то Вассермана, который что-то уже об этом рассказывал...

М. Сандомирский: Конечно, было бы прекрасно, если бы хотя бы в соцсетях были представительные группы по психологии, где про каждого было бы написано, кто он и чем занимается, по какому вопросу к нему можно обратиться.

Участница не представилась: Это не совсем реально, потому что это не совсем безопасно, особенно для экспертов в таких областях, как экстремизм, терроризм и так далее. Была история с воронежским психологом – ему поступали угрозы за то, что он анализировал язык вражды.

С. Ениколопов: Есть еще пример, Николая Гиренко застрелили на пороге собственной квартиры, а это был один из лучших экспертов по

экстремизму. В профессиональной среде мы можем узнать фамилию эксперта, который этим занимается, но его самого знает только заказчик. Такая проблема действительно существует, но мы сейчас не о ней говорим. Мы обсуждаем проблему публичной сферы. Тут есть несколько слоев. Не надо волноваться за репутацию тех людей, которые работают с определенной конторой. А вопрос заключается в том, насколько он знает предмет.

Недавно попал на одну конференцию по экономике и мне сказали: «Сейчас будут выступать два эксперта по нефти и газу, лучшие, гениальные». Я, естественно пошел слушать. Оба произвели на меня сильнейшее впечатление – грамотные, жесткие специалисты. Только один говорил, что все плохо по одним причинам, а другой называл иные причины и тоже говорил, что плохо. И после этого я стал очень терпимо относиться к правительству, у которого 250 экспертов по экономике. И все убедительные, эрудированные, правильные. Даже когда это разные взгляды, но высказанные убедительно, то приходится опираться либо на одного, либо на другого, соответственно, либо потом страдать, либо получать блага.

К сожалению, мы говорим о более низком уровне экспертов, но которые выступают за всех специалистов в своих областях. Но даже если я знаю что-то из психологии религии, это не означает, что я могу говорить на религиозные темы. Так же и во всех остальных сферах. И в этом смысле нет никакого радикального решения, когда мы повернем тумблер, и с экспертами все станет хорошо. Нужно готовиться и понимать к чему: к медленной просветительской деятельности, к созданию репутации. И то, о чем говорил Марк: если у вас есть свое общество, в котором у вас есть репутация, пусть оно и узкое, пусть вы не знаете всех его членов лично, то оно может сказать: почему поставили *X*, а не *У*, когда мы все знаем, что *У* лучше. Тогда будет убедительно обсуждаться, почему эта экспертиза вышла за дисциплинарные рамки. Не всхлипы болельщиков, а серьезный разговор в общественных сетях. О том, что эта экспертиза не имеет никакого отношения к экспертизам. Потому что то, что сейчас происходит – это одна сторона болельщиков против других болельщиков. Это вообще не эксперты и их оценки – не профессиональные. Нужно понимать, что это отдельная сфера, общественная, публичная.

Анна Леонтьева (психолог, НИУ «Высшая школа экономики»): Есть очень интересный кейс экспертной разработки «Концепция информационной безопасности детей». Были задействованы специалисты из Института психологии, из РАО и так далее – междисциплинарный, вполне репрезентативный коллектив психологов. В этой разработке, была задействована, наверное, половина сотрудников кафедр факультета психологии МГУ. Все специалисты как раз по теме, которую мы затрагивали: дети, соцсети и безопасность. По этому кейсу как раз можно проследить реальное положение с экспертами, которое мы имеем сейчас, касательно всех вопросов с Интернетом и безопасности детей. Более того, по этой разработке можно проследить все этапы:

формирование методологии, формат реагирования профессионального сообщества на данную ситуацию, то, как выглядит правовое применение работы экспертов, какой формат деятельности она задает и т.д. (4). Было бы интересно вернуться к этому примеру для анализа лакун, которые мы, возможно, проглядели. Относительно социальных сетей могу сказать, что такие попытки известны, например, у нас есть российское психологическое общество...

С. Ениколопов: Без комментариев.

А. Леонтьева: Ну почему без комментариев, это как раз то, что пришло бы обычному человеку в голову, чтобы проверить, кто чем занимается. Есть сектора в этом обществе, в которых представлены люди из разных направлений. Я хочу сказать, что в отсутствие реально действующих механизмов репутации в сообществе, возможна долгая дискуссия касательно того, какие документы применять в контексте каких конкретных ситуаций. Но, тем не менее, такое сообщество есть, с обозначениями междисциплинарных коллективов, которые, вроде бы, друг другом признаны. Однако, похоже, что формат объединения в сообщества здесь не совсем срабатывает.

И, наконец, у меня есть сомнения относительно названию нашей дискуссии, поставленного Дмитрием Алексеевичем вопроса о комплексной гуманитарной экспертизе и вопроса *Сергея Николаевича* о компетентности и междисциплинарности. Мне представляется, что, возможно, не стоит говорить о «комплексной» и «гуманитарной» экспертизе. Мы живем в период культурного перехода, нас догоняют интенсивные изменения, касающиеся сексуальности, Интернета, других практик, которые не так хорошо описываются прошлыми моделями. Психологи оказываются специалистами по широкому кругу вопросов, у нас нет, например, специалистов по безопасности ребенка в Интернете, его безопасности от пропаганды чего-либо.

С. Ениколопов: У нас нет специалистов по безопасности ребенка.

М. Немцев: Специалистов по гомосексуализму, кстати, тоже нет.

А. Леонтьева: Точнее, по гомосексуальности. Кстати, недавно в Высшей школе экономики вышел журнал «Психология», посвященный вопросу сексуальности. И там отмечается, что сложилась кризисная ситуация с экспертизами по поводу сексуальности.

Д. Леонтьев: Наше время близится к завершению, есть ли у кого-то из присутствующих, что еще сказать?

М. Немцев: Без самоочищения профессиональное сообщество, видимо, недееспособно. Не психологам, нужно знать, кого спрашивать о психологических вопросах. Спрашивать будут того, кто принадлежит к сообществу, которое из себя изгоняет тех, кто ему не соответствует, то есть, вводит какой-то профессиональный стандарт. Историки, например, именно для этого сейчас создали «Вольное историческое общество». Это все, конечно, очень болезненно и неприятно. Но, насколько я могу судить, единственный социологически эффективный способ создания репутации – это изгнание тех, кто не соответствует.

Д. Леонтьев и С. Ениколопов: А кто изгоняет, кто субъект? Те, кого изгоняют, могут прекрасно себе потом существовать в другом сообществе.

М. Немцев: Однако в перспективе те, кто принадлежит к этому коллективу, вытесняют из медиасферы и сферы заказов тех, кто не принадлежит.

С. Ениколопов: Я в этом не уверен.

А. Леонтьева: Когда основатель сообщества изгнан из него, это подтверждает, что сообщество работает.

С. Ениколопов: Всякая Революция поедает своих отцов. Это подтверждает, что история – все-таки – наука.

Участница не представилась: Если можно, несколько пунктов по тому, что было сказано, и что мне показалось важным. Кажется, мы имеем дело с двумя видами экспертов. Первый – это эксперт в средствах массовой информации, задачей которого является формирование общественного мнения, ответы на вопросы которые волнуют общественность. Второй – эксперт, задачей которого является обеспечение компетентной аналитикой инстанций, принимающих ответственные решения. Соответственно, это два разных дискурса. Иногда в ситуации противостояния не все стороны могут высказаться. Здесь мы соответственно имеем два разных поля для обсуждения.

Обращаю внимание на сказанное Дмитрием Алексеевичем – экспертом называется тот, кто имеет методологический опыт экспертизы. Возможно, здесь речь идет о некотором институте рефлексии и экспертного опыта. И как этот институт может быть выстроен – вопрос. Когда я говорила про междисциплинарность, я имела в виду не универсального философа и специалиста, которого научили каким-то таким особым вещам. Вопрос в зрелости эксперта, который обладает социальной компетентностью и, соответственно, может каким-то образом консультировать процесс экспертной рефлексии.

Д. Леонтьев: Последнее время в науку начинает проникать такое понятие, как «системное мышление».

С. Ениколопов: Последние 60 лет. Поэтому можно быть спокойными, эксперты тоже через 60 лет созреют.

Участница не представилась: Я работаю в психиатрической больнице, дальнейшая моя деятельность, по-видимому, будет судебно-экспертной. Все, что я слышала, было мне очень интересно. У меня есть конкретный запрос, требуется заключение психолога о том, что нахождение транссексуалки совместно с мужчинами в одной комнате является психотравмирующей ситуацией.

С. Ениколопов: Для мужчин или для транссексуалки?

– Для транссексуалки.

С. Ениколопов: И то, и то – травмирующая ситуация.

Д. Леонтьев: Как говорил один известный человек, «ад – это другие». Нахождение с любым другим человеком, независимо от пола, является психотравмирующей ситуацией. Причем тут пол и ориентации?

– Запрос был так сформулирован. Ответ здесь тоже частично, я так понимаю, сформулирован, – это травмирующая ситуация.

С. Ениколопов: Ответа нет.

Д. Леонтьев: Это как раз запрос не к эксперту, а запрос в бюро добрых услуг. Поскольку экспертиза – это по определению независимый ответ на вопрос. Там, где требуется подтвердить и обосновать кем-то заранее принятое решение, это не экспертиза, это фейковая экспертиза. Экспертиза должна быть независимой.

С. Ениколопов: Любой назначенный эксперт имеет право и может обосновать отказ от такой «экспертизы», потому что его заставляют выйти за рамки его профессионального знания. А как личность он может сказать, что ему даже интересно входить в одну комнату с транссексуалом, или – что ему Заратустра не позволяет. Но где тут будет психология? Нет никаких исследований, опираясь на которые он может сказать, как ведет себя транссексуал. Единственный эксперимент, который можно привести – он даже не о транссексуалах. Так, в рамках борьбы за инклюзивное образование МГИМО сделал три туалета: два традиционных, на третьем оба знака, потому что он для инвалидов. Выяснилось, что такой туалет с более широкими кабинками, с поручнями фантастически стигматизирует инвалидов. Они жаловались, что их, получается, считают бесполоыми. А человек, будучи инвалидом, все равно хочет быть и считаться мужчиной или женщиной.

На таких вопросах мы понимаем, что не на все вопросы надо отвечать. У нас есть законное право послать спрашивающего далеко, как у М. Жванецкого: «На вопрос, как живешь, матерно выругался, набил морду вопрошавшему, долго бился головой об стену, в общем, ушел от ответа».

Д. Леонтьев: Это действительно очень важный момент, что не на все вопросы у эксперта должен быть ответ. И тут тоже два варианта: есть вопросы, на которые не могу ответить конкретно я, мне не позволяет компетенция, ищите другого эксперта. А есть вопросы, на которые вам не ответит никто, а если вам кто-то даст на этот вопрос определенный ответ, знайт, он не заслуживает доверия.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) *Иванченко Г.В., Леонтьев Д.А., Сафуанов Ф.С., Тульчинский Г.Л.* К системной методологии комплексной гуманитарной экспертизы // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3. Методы психологии / под ред. В.В. Новикова и др. – Ярославль: МАПН, 2005. С. 89–110.

(2) *Леонтьев А.А.* Психолингвистическая экспертиза ксенофобии в средствах массовой информации. – М.: Смысл, 2003.

(3) *Леонтьев Д.А., Иванченко Г.В.* Комплексная гуманитарная экспертиза: методология и смысл. – М.: Смысл, 2008.

(4) См.: <http://www.russ.ru/pole/Koncepciya-informacionnoj-bezopasnostidetey-kak-ugroza-profes>

**EVALUATION AS A HUMANITARIAN METHODOLOGY
AND PRACTICE**

D.A. LEONTIEV

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

G.L. TULCHINSKII

*National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg),
Saint Petersburg, Russia*

Summary

Expertise play an important role in the social life of modern society. This role expanded so much that it is required to clarify the evaluation methodology, determine the status of the expert, the requirements for his competence. Special attention deserves a problem of complex evaluation. This publication presents a discussion of these issues at a special round table, in which psychologists took part primarily.

Keywords: competence, complex humanitarian evaluation, expert community, meta-expertise, methodology, reputation

Leontiev, Dmitry – D.Sc. of Psychology, Head of the International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation of the National Research University *Higher School of Economics*, Professor of the Psychology Department of the Psychology Faculty of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

dmleont@gmail.com

Tulchinskii, Grigorii – D.Sc. in Philosophy, Professor, National Research University *Higher School of Economics* (St. Petersburg), Saint Petersburg, Russia.
gtul@mail.ru

Citation: *LEONTIEV D.A., TULCHINSKII G.L. (2018) Evaluation as a Humanitarian Methodology and Practice. In: Philosophical Sciences. 2018. Vol. 2, pp. 120-140. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-2-120-140.*